

Н. Н. ЗАПОЛЬСКАЯ

Книжная справа XVII века: проблема культурно-языкового реплицирования

1. Книжная справа являла собой контролируемый духовной властью процесс исправления богослужебных и библейских книг, имевший целью достижение правильности или понятности славянских конфессиональных текстов и языка. В зависимости от доминирующей духовной установки реализовалось разное понимание правильности, так как правильность могла быть мотивирована либо концепцией духовного универсализма, выражавшейся в ориентации на «чужие» образцы, либо концепцией духовного изоляционизма, требовавшей ориентации на собственную традицию. Контакты культурно-языковых пространств *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina*, демонстрировавших разные концепции духовности, порождали процесс культурно-языкового реплицирования, зафиксированный книжной справой XVII в.

2. Юго-западная Русь, входившая сначала в государственное пространство Великого княжества Литовского, а затем Речи Посполитой, представляла собой своеобразное «духовное пограничье», в котором реализовались традиции православия и католицизма, а также инновации протестантизма. Одним из проявлений сложной конфессионально-политической ситуации стало заключение Брестской унии (1596 г.), что, с точки зрения защитников православия, явилось официальной фиксацией нарушения «чистоты веры». Стоявшие перед ревнителями православия задачи защиты «чистоты» веры, духовного просвещения и готовности к полемике определили необходимость издания библейских и богослужебных книг. Максимально актуализированная в поликонфессиональных условиях книжная справа демонстрировала сохранение традиций православного духовного универсализма, проявлявшегося в следовании библейских и богослужебных книг греческим образцам как на уровне текста, так и на уровне языка. Систематическая книжная справа в Юго-Западной Руси началась трудами князя Константина Острожского и его сподвижников – будущего константинопольского патриарха Кирилла Лукариса, ректора Острожской коллегии Герасима Смотрицкого, типографа и справщика Ивана Федорова, которые издали полную славянскую Библию (1580–1581 гг.). В основу Острожской Библии был положен список Геннадиевской Библии (1499 г.), который исправлялся по греческим изданиям, вероятно по Альдинской Библии 1518 года (АЛЕКСЕЕВ 1999: 211–212). Справе подвергались прежде всего книги, переведенные у Геннадия с латыни: эти книги были либо вновь переведены с греческого языка (1, 2 Паралипоменон, 1, 2 Маккавейские, Премудрости Соломона, главы 1–25, 46–51 Иеремии), либо отредактированы по греческому источнику (1, 2 Ездры, Неемии), либо оставлены в переводе с латыни (Товит, Иудифь, 3 Ездры). Поскольку при подготовке Острожской Библии не была проведена последовательная правка, к тому же не было критического отношения к источникам, епископ львовский Гедзон Балабан замыслил издать исправленную Библию, для чего обратился с просьбой к александрийскому патриарху Мелетию Пигасу прислать греческую Библию, которая «чиста $\bar{\omega}$ блѣдовъ». Однако результатом издательской деятельности стряпчинской типографии явились лишь авторитетные богослужебные книги: так, Служебник 1604 г. и Требник 1606 г. содержали предисловия, в которых указывалось, что книги «прилѣжно изслѣдованы и исправлены по древнимъ зводамъ»

и греческимъ послѣдованіамъ» (Титов 1916: 58). Впоследствии стрятинская типография стала основой типографии Киево-Печерской Лавры, в которой был издан основной корпус богослужебных книг, ориентированных на греческие новопечатные издания, о чем свидетельствуют предисловия к этим книгам: так, Постную Триодь 1627 г. сверил с «съ греческимъ зводомъ» Памва Берында, Служебник 1629 г. был исправлен Тарасием Земкой «Ѡ еллинскаго зводѸ истиннаго», Цветная Триодь 1631 г. также была сверена Тарасием Земкой по греческим источникам, потому что «поемъ, такоже греци оупотребляютьъ», Требник 1646 г. исправил Петр Могила по греческим свхологиям (Титов 1916). Защищая цсл. язык как знак православной веры, книжники при проведении языковой sprawy руководствовались идеей формально-семантического подобия цсл. языка греческому: «в подобныи спадки склоненіи и съчненіи падаючи» (Титов 1916: 126). При этом опыт синтетической кодификации цсл. языка, явленный в процессе книжной sprawy, мог соотноситься с опытом аналитической кодификации цсл. языка, представленным прежде всего в грамматике Мелетия Смотрицкого (1619 г.), кодифицировавшей цсл. язык как язык, формально и семантически соотнесенный с греческим языком и тем самым противопоставленный «простой мове».

3. Московская Русь XVI–XVII вв. являлась значимым центром культурно-языкового пространства Slavia Orthodoxa, сохранившим «чистоту» веры и устойчивое бытование цсл. языка. Ученая деятельность по исправлению церковных книг, основанная на соединении богословского ведения и грамматического знания, стала привычной для Московской Руси с XVI в. в результате книжной sprawy, проведенной Максимом Греком. Официальный статус книжной sprawy в Московской Руси определило постановление Стоглавого собора 1551 г., которое вменяло в обязанность собраниям духовенства наблюдение за правильностью церковных книг (Стоглав 1863: 95–96). Усилившийся в связи с развитием книгопечатания институт книжной sprawy предполагал установление целей и принципов исправления, тщательный выбор источников и сферы исправлений, посредством чего и реализовалось понимание правильности текста и языка. В XVII в. в Московской Руси книжная справа представляла собой последовательное движение от воспроизведения «своей» славянской традиции до буквального следования греческим образцам, что было обусловлено движением от концепции духовного изоляционизма к концепции духовного универсализма.

Так, на первом этапе книжной sprawy, начавшемся после Смутного времени при активной поддержке патриарха Филарета (1619–1634 гг.) и продолжавшемся при патриархе Иосафе I (1634–1640 гг.), внимание книжников было сосредоточено на богослужебных текстах, поскольку требовалось «в единогласие потребы и чины церковного священноначалия» привести (Николаевский 1890–1891: 450). При этом понимание правильности текста и языка богослужебных книг было мотивировано концепцией духовного изоляционизма и связывалось со своей славянской традицией как сохранившей исконную «чистоту» греческой традиции. Соответственно, в качестве правильных источников рассматривались только древнерусские рукописи, которые противопоставлялись новым греческим изданиям и исправленным по ним юго-западнорусским изданиям. По указу царя и патриарха 1620 г. требовалось «книги харатенныа добрыхъ переводовъ сообрати ... и Ѡ тѣхъ древнихъ харатенныхъ книгъ вожественныхъ писаніи стихословіа исправлати, гаже неисправленіемъ Ѡ преписѸющихъ и многолѣтнихъ обычаевъ погрѣшена быша» (Николаевский 1890–1891: 450). Ориентация на новопечатные греческие источники, отражавшие иную, чем в Москве, церковную практику, была и идеологически неприемлема для московских книжников, поскольку принятие Флорентийской

унии привело к «искажению» греческого благочиния и к тому, что греки «нынѣ живѹтъ въ тѣснотахъ великихъ между невѣрными и для того вводятъ нныя вѣры въ переводы греческаго языка ... намъ такихъ новыхъ переводовъ греческаго языка не надобно...» (НИКОЛАЕВСКИЙ 1890–1891: 449). Соответственно, неприемлемы были и юго-западнорусские богослужебные тексты, соотнесенные с новопечатными греческими книгами, недоверие усиливалось и тем, что киевская митрополия допустила принятие Брестской унии, что еще более «исказило» благочиние. Отношение к юго-западнорусским богослужебным книгам в Московской Руси нашло отражение в указе 1627 года о «царском наказании» и «патриаршем проклятии» для тех, кто будет покупать «литовские» книги (КАРТАШЕВ 1991: 102). В соответствии с принятыми установками в Москве был издан весь цикл богослужебных текстов, при этом наиболее тщательному исправлению подверглись Требник 1624 г. и Служебник 1627 г. Проводя фрагментарную языковую правку, т. е. исправляя «описи въ точкахъ и въ запятыхъ, и въ наконченіяхъ», московские книжники – Арсений Глухой, Антоний Крылов, Иван Наседка, Григорий Онисимов – подтверждали свою компетентность знакомством с книжными исправлениями Максима Грека и знанием грамматического трактата «О восьми частях речи», что позволяло им «осьмъ частей слова разумѣти и къ симъ пристащаа, сирѣчь роды и числа, и времена и лица, званія же и залогн...» (НИКОЛАЕВСКИЙ 1890–1891: 442).

Начавшаяся в 40-х годах XVII в. реставрация концепции духовного универсализма определила новый этап книжной sprawy в Московской Руси, реализовавшийся при патриархе Иосифе (1642–1652 гг.). Осмысление Московского государства как центра истинной православной духовности актуализировало необходимость усиления контроля за «чистотой» веры и систематизации духовного образования. Полемические и просветительские задачи мотивировали необходимость издания в Московской Руси полной Библии как «первейшего источника всего богословия». Целью библейской sprawy должен был стать поиск «согласия» между славянской и греческой традициями, при этом посредником могла стать юго-западнорусская книжность, а участниками книжной sprawy – юго-западнорусские книжники. Так, в 1649 году царь Алексей Михайлович обратился к киевскому митрополиту Сильвестру Коссову с просьбой прислать ученых книжников, которые «**божественнаго писанія ведѹщи и еллинскому языку навичны**» (такowymi оказались Арсений Сатановский и Епифаний Славинецкий) для учительной и книжной деятельности, прежде всего «**для справки Библии греческие на словенскую речь**». Своеобразным «помощником» в библейской справе могла стать Острожская Библия, тексты которой московские книжники использовали в просветительских и полемических целях: например, в 1643 г. московскими справщиками было составлено «Патриаршее поучение», включавшее цитаты из Острожской Библии. Понимание необходимости последовательной языковой нормализации обусловило в 1648 году издание в Московской Руси авторитетной юго-западнорусской грамматики Мелетия Смотрицкого, представлявшей, в отличие от трактата «О восьми частях речи», развернутую аналитическую кодификацию цсл. языка. Языковые исправления, внесенные в грамматику Мелетия Смотрицкого московскими справщиками Иваном Наседкой и Михаилом Роговым, отражали опыт московской книжной sprawy, которая в этот период была направлена на ограничение грамматической синонимии и снятие грамматической омонимии, приводящей к неоднозначному пониманию текста. Метаязыковые исправления вводили грамматику в устойчивую православную метаязыковую традицию: московские книжники заменили авторское предисловие Мелетия Смотрицкого, написанное на «простой мове», предисловием,

представлявшим собой «цитатное поле», освященное именами Афанасия Велико-го, Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоуста, Максима Грека. Особое внимание московские книжники обратили на замечания Максима Грека о необходимости книжного исправления: книги «растлѣшася, ѿво ѹбо Ѡ препи-соующихъ ихъ ненаѹченыхъ соущихъ ѱ не ѱкоусныхъ в разѹмѣ ѱ хитрости грамматикійстѣй, ѿвоже ѱ Ѡ самѣхъ ѱперва сотворшихъ книжныи превѹдъ, приснопаматныхъ мѹжѣй» (СМОТРИЦКИЙ 1648: 23 об.). Таким образом, посредничество юго-западнорусской книжности создало предварительные условия для усвоения в Московской Руси представлений о правильности текста и языка как об ориентации на греческие образцы.

Развитием этих представлений явился третий этап книжной sprawy, начавшийся при патриархе Никоне (1652–1658 гг.). Доминирование идеи «восприятия» на русском царя и русскую церковь византийского теократического наследия требовало единого греко-славянского обрядового пространства. Унификация обрядов по греческому образцу радикально изменяла представления о правильности русских богослужебных книг: на Соборе 1654 г. было принято решение «достоинно и праведно исправити противу старыхъ и греческихъ» книг (СИРОМАХА 1981: 6). Возможность грекоориентированной книжной sprawy обеспечивалась формированием греческой библиотеки, собранной из греческих рукописей и печатных книг, привезенных Арсением Сухановым с Афона и подаренных восточными патриархами. Новые задачи книжной sprawy определили изменения и в составе участников книжной sprawy: к справе были допущены греческие книжники – сначала Арсений Грек (с 1654 г.), а затем Дионисий Грек (с 1663 г.); координировал справу юго-западнорусский богослов и переводчик Епифаний Славинецкий, активное участие в справе принимали сведущие в «еллиногреческом» языке московские книжники – Евфимий Чудовский, Никифор Симеонов, Иосиф Белый. Декларированная книжная справа по греческим источникам осуществлялась либо посредством выбора греческого образца, либо посредством выбора юго-западнорусского текста, исправленного по греческому образцу. Так, Требник 1655 г. явился результатом переводческой деятельности Арсения Грека, а Требник 1658 г. представлял собой результат редакторской деятельности московских справщиков Евфимия Чудовского, Захария Афанасьева и Иосифа Белого, которые ориентировались на киевский Требник 1646 г., лишь иногда сверяя его с греческим изданием (кавычные экземпляры – РГАДА, ф. 1251, ед. хр. 978-2, РГАДА, ф. 381, ед. хр. 1803, ГИМ, Син., ед. хр. 308). Основными ориентирами исправлений богослужебных текстов, своеобразными посредниками, явились именно правленные по греческим образцам юго-западнорусские издания, о чем свидетельствуют кавычные экземпляры изданных в Москве книг (СИРОМАХА 1981: 9). Так, кавычный экземпляр Служебника 1655 г. представлял собой стрягинский Служебник 1604 г. (РГАДА, ф. 1251, ед. хр. 852-2), в основу Постной Триоди 1656 г. были положены киевские Триоди 1627 г. и 1648 г. (РГАДА, ф. 1251, ед. хр. 1025-2), кавычной книгой Цветной Триоди 1660 г. была киевская Триодь 1631 г. (ГИМ, Син., ед. хр. 323). По пути ориентации на юго-западнорусские источники пошла и библейская справа: при издании Библии 1663 г. была использована Острожская Библия (РГАДА, ф. 1251, ед. хр. 149). При необходимости в сложных случаях осуществлялась непосредственная сверка с греческим текстом, подтверждаемая пометами писцов: в кавычном экземпляре Служебника 1655 г. – «в греческом сего несть» л. 13-13 об., в кавычном экземпляре Требника 1658 г. – «посмотреть в греческом» л. 214, «со греческого» л. 4 (СИРОМАХА–УСПЕНСКИЙ 1987: 80, 82). Некритическое использование в качестве источников новопечатных греческих книг и сверенных с ними юго-западнорусских изданий, а также

участие в споре греков, прежде всего осужденного ранее за «еретичество» Арсения Грека, вызывало протест старообрядцев: «печатано съ книгъ, иже греческіе словѣтъ, а печатаютъ ихъ растленно въ трехъ латинскихъ градѣхъ, въ Римѣ и въ Парижѣ и въ Венециі», а Арсений Грек «переводилъ ихъ на нашъ языкъ словенскіи и они развратъ велии сотворили» (КАРТАШЕВ 1991: 161). Значение юго-западнорусских источников для языковой sprawy определялось тем, что они демонстрировали формально-семантическую трансляцию греческого языка в цсл. язык. Задача московских справщиков сводилась лишь к снятию в юго-западнорусском тексте грамматической омонимии и ограничению грамматической синонимии, что являлось продолжением направления предшествующего этапа sprawy. Правильность языковых изменений, явленных в новопечатных московских книгах, обосновывалась ссылками на грамматику Мелетия Смотрицкого, в равной степени авторитетную как для юго-западнорусских, так и для московских книжников: например, на грамматику Мелетия Смотрицкого ссылались Епифаний Славинецкий, Евфимий Чудовский, Симеон Полоцкий, составивший для собора 1666 г. доклад-обоснование проведенных языковых исправлений. Придание грамматике как совокупности языковых правил большего значения, чем императивному тексту, а также ориентация на грамматику принявшего униатство Мелетия Смотрицкого, вызывало недовольство старообрядцев. Так, по мнению бывшего справщика старца Савватия, никониан «свела съ Ѹма несовершеннаа ихъ грамматика, да приѣжжіе нехай» (Три челобитные 1862: 27–28). Причем характеристика, данная юго-западнорусским книжникам, могла указывать на противопоставление «своей», «правильной» грамматики 1648 г. «чужой», «неправильной» грамматике 1619 г., содержавшей, в частности, недопустимый для языковой ситуации Московской Руси перевод библейской цитаты с цсл. языка на «просто мову»: «Оу дѣржи языкъ свой Ѡ зла и оустнѣ твоѣ еже не глѣти л' стѣ. Руски истолковѣмъ. Гамѣи языкъ свой Ѡ злогъ, и оустѣ твоѣ нехай немоватъ зрады» (СМОТРИЦКИЙ 1619, ш. 2).

Усиление грекофильских настроений, приведшее к утверждению концепции духовного универсализма, проявилось на четвертом этапе книжной sprawy при патриархе Иоакиме (1674–1690 гг.). Правильность библейских и богослужебных книг связывалась в этот период уже с непосредственной ориентацией на греческие источники: на Соборе 1674 г. было принято решение переводить «Библію всю вновь, ветхій и Новый Заветъ съ книгъ греческихъ». Работа началась трудами Епифания Славинецкого и избранной им «библейской комиссии» – Евфимия и Моисея Чудовских, Никифора Симеонова и Сергия. Смерть Епифания Славинецкого не позволила закончить библейские исправления: к печати были подготовлены только Пятикнижие и Новый завет. Богослужебные книги также могли правиться в этот период непосредственно по греческим источникам, о чем свидетельствуют Служебные Миней, работа над которыми началась в 1683 г. Языковые исправления представляли собой усиление формально-семантической трансляции греческого языка в цсл. язык, поскольку московские справщики стремились писать «по славенски» так, как писали святые отцы «еллинским диалектом». Установка на формально-семантическое уподобление цсл. языка греческому наглядно проявилась в рукописях, содержащих параллельные библейские тексты на греческом и цсл. языках (СТРАХОВА 1993: 255–256). Явленная в текстах этого периода языковая грецизация поддерживалась метаязыковой грецизацией: правильность внесенных изменений могла подтверждаться ссылками не только на грамматику цсл. языка, но и на греческую грамматику. Кроме того, на этом этапе sprawy был официально утвержден грамматический характер книжной sprawy: в 1682 г. патриарх Иоаким

в прениях со старообрядцами заявил, что книжная справа велась «по грамматике» (Три челобитные 1862: 35).

4. В системе моделируемого Римом конфессионального подчинения греческого мира латинскому, важнейшим этапом являлось возвращение славян к единству по вере. Завершение «глобальной Унии», фрагментом которой явилась Брестская уния, требовало приведенных к единообразию славянских церковных книг, написанных на понятном для всех славян языке. В этой связи по поручению Конгрегации пропаганды святой веры в Риме в 40-х годах XVII в. была предпринята книжная справа древних хорватских глаголических богослужебных книг, осуществлявшаяся под руководством Рафаэля Леваковича и епископа холмского Мефодия Терлецкого (Бессон 1870: 716–717). По инициативе Мефодия Терлецкого в качестве источников книжной sprawy были выбраны юго-западнорусские богослужебные книги, ориентированные на бытование в условиях унии. Однако опыт соотнесения книг на цсл. языке хорватской редакции с книгами на цсл. языке юго-западнорусской редакции оказался неудачным, поскольку не привел к искомой понятности текстов.

Другой путь единения по вере посредством единения по языку избрал хорват Юрий Крижанич, пытавшийся создать «общий» славянский литературный язык нового типа, функционально равный новым европейским языкам (ЗАПОЛЬСКАЯ 1998: 267–295). Исходя из идеи функционально-генетического превосходства русского языка над другими славянскими, Юрий Крижанич утвердил право русского языка стать «общим» славянским литературным языком при условии его «исправления». Осуществляя свою миссионерскую деятельность непосредственно в Московской Руси, Юрий Крижанич написал в 1666 г. грамматический труд «Грама̀тично изкѣзанїе оъ рѣскомъ језику» (Крижанич 1859, далее в тексте – ГИ), явившийся метаязыковой репликой на грамматику Мелетия Смотрицкого. Юрий Крижанич отрицал концептуальные основы грамматики Мелетия Смотрицкого, реализовавшей принципы *ad modum* и *ad fontes* и тем самым кодифицировавшей книжный цсл. язык, соотнесенный с греческим языком, максимально дистанцированный от живого языка и обладавший усложненной структурой, требовавшей языковой эрудиции. Необходимая «правильная» грамматика русского языка представлялась Юрию Крижаничу как грамматика, кодифицировавшая «простой» литературный язык, принципиально самодостаточный, минимально дистанцированный от живого языка и имевший более простую структуру, доступную для понимания людей «непросвещенных». В процессе осуществленной Юрием Крижаничем «грамматической работы» элиминации подверглись языковые элементы, рассматриваемые им как «чужие» (гречизмы – «обезѣанство по обзорѣ на Грѣцскїи језику») или «свои», но неупотребительные («ниѣтъ въ ра̀ботѣ»), особенно порождающие омонимию («протївни ра̀зѣмѣ») или синонимию («по извѣткѣ»). Прделанная Юрием Крижаничем «грамматическая работа» была направлена на библейские тексты, книжный язык которых, по мнению Юрия Крижанича, был далек от совершенства: «До сихъ во врѣменъ во свѣтомъ бѣжѣемъ писмѣ и всѣхъ превѣдѣхъ нашихъ, въ нѣкоихъ мѣстѣхъ вно̀го јестъ рѣчѣѣ, а ма̀ло ра̀зѣма» (ГИ, V). Культурно-языковое разрешение на исправление библейских книг для достижения их адекватного понимания Юрий Крижанич, как и подобало хорвату и иезуитскому миссионеру, подтверждал ссылкой на языкотворческую деятельность Блаженного Иеронима, осуществившего перевод Библии на латынь: «Грама̀тично ра̀дїи́нїе... вѣтъ потрїбно... како бѣа̀женнь Јеронїмъ велїтъ, Несподѣбитсе възгорда̀тъ ма̀лихъ вещьѣѣ, безъ ко̀бихъ велїки обсто̀ятъ немѣгѣтъ» (ГИ, V). С именем Блаженного Иеронима была связана и принятая в культурно-языковом пространстве *Slavia Latina* установка на

понятность как основу адекватного библейского перевода: «Я могу перевести только то, что я прежде понял». Стремление непосредственно скоординировать систему кодифицированных форм и императивные конфессиональные тексты обусловило своеобразную «справу» псалмов, представленную в правилах-комментариях в грамматике Юрия Крижанича, при этом подвергшиеся исправлению псалмы были взяты из Острожской Библии: «Бѣлорѣсци при тискованьи Библии много премѣнѣнїе учиниша» (Крижанич 1888: 179). Исправляя псалмы из Острожской Библии, Юрий Крижанич вносил свой вклад в общий процесс книжной справы славянских церковных книг, желая устранить «шатост... кнѣжних превѣдов... ко упокоєнїѣ народнихъ съсѣр и циркѣвного раздѣра» (ГИ, V).

5. Острожская Библия, созданная в культурно-языковом пространстве «духовного пограничья», являлась своеобразным «опытным полем» книжной справы, которую осуществляли книжники, принадлежавшие разным культурно-языковым пространствам.

Так, московская Библия 1663 г. была напечатана по Острожской Библии «неизмѣнно», кроме орфографии и «тавственныхъ погрѣшении». Собственно языковая правка, проведенная московскими книжниками, сводилась к устранению ряда неупотребительных стандартных и нестандартных форм, порождающих омонимию, и к устранению аграмматизмов:

Острожская Библия (1580)	Библия (1663)
Стандартные формы, порождающие омонимию	Стандартные формы, снимающие омонимию
2 л. ед.	
Быт. 22:12 не пощадѣѣ Иов 1:7 прииде	не пощадѣлъ еси пришелъ еси
В. мн. м.	
Быт. 23:6 мртвѣца Пс. 50:21 телца	мртвѣцы телцы
Р. ед. ж.	
4Цар. 15:5 земла	земли
В. мн. ж.	
Иов 1:5 дша Пс. 106:11 верea	дшы верei
Нестандартные формы, порождающие омонимию	Нестандартные формы, снимающие омонимию
Р. ед. ср.	
Быт. 22:11 съ нѣси	съ нѣсе
Допущение аграмматизмов	Снятие аграмматизмов
Им. мн. м.	
Быт. 22:20 глѣущи	глѣуще
Им. ед. м.	
Иов 1:5 вѣстаѣущи	востаа

Новый незаконченный библейский перевод, выполненный Епифанием Славинским, привел к усилению формально-семантической трансляции греческого языка в цсл. язык, при этом максимальная грецизация проявилась в синтаксисе, например, в регулярном употреблении конструкций с Р. приименным в соответствии с греческим генетивом вместо Д. приименного или притяжательных прилагательных:

Острожская Библия (1580) = Библия (1663)	Новый Завет Епифания Славинецкого (1674)
Отсутствие грецизации	Порождение грецизации
Мф. 2:4 кни́жники лю́дскыѧ	писменники лю́да
Мф. 2:15 до оумертвѧа нродоѧа	до кончины нрѧда

Юрий Крижанич, включив в свою грамматику примеры исправления псалмов из Острожской Библии, скрыто полемизировал с московскими справщиками. В процессе проведенной Юрием Крижаничем правки, как и в процессе собственно «грамматической работы», элиминации подвергались языковые элементы, рассматриваемые как «чужие», т. е. как грецизмы, и как «свои» неупотребительные, особенно порождающие грамматическую синонимию либо омонимию.

Определенное «единогласие» московских книжников и Юрия Крижанича касалось лишь устранения ряда неупотребительных именных форм, порождающих омонимию:

Острожская Библия (1580)	Библия (1663)	Книжная справа Ю. Крижанича (1666)
Неупотребительные стандартные формы, порождающие омонимию	Употребительные стандартные формы, снимающие омонимию	
В. мн. м.		
Пс. 50:21 тѣлца	тѣлцы	тѣлци (ГИ 12)
Р. ед. ж.		
Пс. 19:7 десни́ца	десници	десни́ци (ГИ 20)
В. мн. ж.		
Пс. 106:16 верѣа	верен	верѣи (ГИ 20)

Выявленное единство взглядов на проблему формально-семантического совершенства славянского литературного языка может быть проиллюстрировано интерпретациями формы В. мн. м. на -а, данными Юрием Крижаничем и Симеоном Полоцким. Так, Юрий Крижанич не допускал форму В. мн. тѣлца в заключительном стихе 50-го псалма как омонимичную Р = В. ед.: «Мѣрзко и блѣдно се чтѣтъ въ нѣкоихъ мѣстѣхъ постѣвльено ЯА или А.: тѣлца → тѣлци» (ГИ, 12). В свою очередь, Симеон Полоцкий, отвечая на критику старообрядцев, протестующих против замены формы тѣлца → тѣлцы в 50-м псалме, также мотивировал эту замену снятием омонимии, ссылаясь на грамматику Мелетия Смотрицкого 1619 года: «В древнихъ во харатенныхъ книгахъ шврѣтается, ТѢЛЦА, еже тожде есть еже и ТѢЛЦЫ, акъ видѣти есть въ грамматичѣ Мелетѧ Смотрицкогѧ, в парадигматѣ кончащихъ на ЦЪ, сѧ во имѣють винительныи падежъ множественнагѧ числа ны ЦЫ и на ЦА, ако оцъ, тыа оцы, или оца. Сей оубо падежъ винительный множественный кончащійся на ЦА неискѣснен списателѧе измѣниша на ЦА, и такъ сотвориша винительныи падежъ единственнагѧ числа» (Полоцкий 1667: 146; ср. Смотрицкий 1619: е 5).

Сохраняя дистанцию между книжным и разговорным языком, московские книжники в основном удерживали неупотребительные нестандартные формы, тогда как Юрий Крижанич, стремившийся к понятности литературного языка, устранял все неупотребительные нестандартные формы:

Острожская Библия (1580) = Библия (1663)	Книжная справка Ю. Крижанича (1666)
Р. ед. м.	
Пс. 18:11 камене	камена (ГИ 7)
Им. мн. м.	
Пс. 26:12 свѣдѣтеле	свидѣтели (ГИ 11)
Пс. 4: 3 снве	сини (ГИ 10)

Сферу основных разногласий московских книжников и Юрия Крижанича определяли формы и конструкции, обусловленные влиянием греческого языка: если московские книжники склонялись к сохранению, а позже и к усилению грецизации как к средству достижения языковой правильности библейского текста, то Юрий Крижанич отказывался от формально-семантической грецизации, нарушающей понятность текста. Объектом наиболее последовательных исправлений Юрия Крижанича выступали маркированные синтаксические конструкции, демонстрировавшие структурную избыточность книжного русского языка: конструкции с субстантивированным прилагательным в форме ср. мн., конструкции с относительным местоимением, согласованным с определяемым словом, причастные конструкции, инфинитивные конструкции и конструкции с одинарным отрицанием:

Острожская Библия (1580) = Библия (1663)	Книжная справка Ю. Крижанича (1666)
Пс. 4: 7 кто ѡвнѣтъ намъ блага	кто нам ѡвнѣтъ благо (ГИ 173)
Пс. 7: 7 повелѣнїемъ нмже заповѣда	повелѣнїемъ, жеже заповѣда (ГИ 173)
Пс. 6: 6 нѣсть въ смѣрти поминанїи тебе	нѣсть того въ смѣрти, нже вн те поминан (ГИ 163)
Пс. 9: 4 внегда възвратїтисѧ врагъ моѣмъ въспать...	когда се возвратитъ врагъ мой възпѣтъ (ГИ 164)
Пс. 22:1 ничтоже ма ашнѣтъ	ничтоже ме не ашнѣтъ (ГИ 160)

Данное различие позиций можно проиллюстрировать отношением Юрия Крижанича и Евфимия Чудовского к конструкции с Р. применным. Юрий Крижанич рассматривал эту конструкцию как грецизм и ограничивал ее употребление: «Ѹ Греков, и Ѹ Латїнцев, когда коли двѣ ѡмена обстоїна разнїтїе вѣщи знаменѣюща въ бесїде стоїтъ вез Ѹпоѣнїа, једно из нїхъ стоїтъ во ЈзкерникѸ. А Ѹ насъ въ мїсто Јзкерника стоїтъ јме прїдївно Владѣано или Прїстоѡлно: Страхъ Господа → Страхъ Господень» (ГИ, 174). Евфимий Чудовский, напротив, рассматривал данный грецизм как пример формально-семантического тождества греческого и славянского языков, ссылаясь при этом на грамматику Мелетия Смотрицкого: «Творца нѣсе и земли. Снце написаса по правилѸ греческомѸ Ѹво и славенскомѸ же глашцемѸ снце, двюю сществоителнѸ разаннїхъ вѣщїй стеканющѸса доѸгое нхъ въ родителномѸ полагаемо бывати обѣче...» (ср. СМОТРИЦКИЙ 1619, Ѱ 2–2 об.).

6. Таким образом, книжная справка XVII в., демонстрирующая смену духовных установок, предстает как результат культурно-языкового реплицирования, порожденного контактами книжников в пределах культурно-языкового пространства Slavia Orthodoxa, а также контактами книжников, принадлежавших разным культурно-языковым пространствам – Slavia Orthodoxa и Slavia Latina.

Литература

- АЛЕКСЕЕВ А. А. Текстология славянской Библии. Санкт-Петербург, 1999.
- БЕССОНОВ П. А. Юрий Крижанич, ревнитель воссоединения церквей и всего славянства в XVII в. // Православное обозрение 1870/2: 661–723.
- ЗАПОЛЬСКАЯ Н. Н. Модели «общеславянского» литературного языка XVII–XIX вв. // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998. Доклады российской делегации. Москва, 1998. 267–294.
- КАРТАШЕВ А. В. Очерки по истории русской церкви. Т. 2. Москва, 1991.
- КРИЖАНИЧ Ю. Граматично исказанје об руском језику. Москва, 1859.
- КРИЖАНИЧ Ю. Објасњење виводно о писмѣ Словѣнском. // ЖМНП 1888: 179–207.
- НИКОЛАЕВСКИЙ П. Ф. Московский печатный двор при патриархе Никоне. // Христианское чтение 1890–1891. Часть 2. 434–467.
- ПОЛОЦКИЙ СИМЕОН: Жезл Правления. Москва, 1667.
- СИРОМАХА В. Г. «Книжная справа» и вопросы нормализации книжно-литературного языка Московской Руси во второй половине XVII в. (на материале имен существительных). АКД, Москва, 1981.
- СИРОМАХА В. Г., УСПЕНСКИЙ Б. А. Кавычные книги 50-х годов XVII в. // Археологический ежегодник за 1986 год. Москва, 1987. 75–84.
- СМОТРИЦКИЙ 1619 = Мелетій Смотрицкій. Грамматіки Славенскіа правилное Синтагма. Евьє, 1619.
- СМОТРИЦКИЙ 1648 = [Мелетий Смотрицкий:] Грамматика. Москва, 1648.
- Столб. Санкт-Петербург, 1863.
- СТРАХОВА О. Б. Сколько переводов Св. Писания было сделано в последней четверти XVII в. в Московской Руси. // Palaeoslavica 1993/1: 253–260.
- ТИТОВ Ф. И. Типография Киево-Печерской Лавры. Киев, 1916.
- ТРИ ЧЕЛОБИТНЫЕ 1862 = Три челобитные: справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря. Санкт-Петербург, 1862.